ОБЪЯСНЕНІЕ

НОВЫХЪ

ПРАВИЛЪ

ДЛЯ

РАБОЧИХЪ

по ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному закону
1 января 1896 года.

Херсонъ.
Типографія К. Н. Субботина, Екатерин. ул. д. Калинина.

Дозволено цензурою. Херсонъ, 15 января 1896 г.

225538

ГЛАВА I.

Права рабочихъ на удобную жизнь. Откуда происходитъ нищета и богатство.

Въ настоящее время, когда въ мірѣ столько богатствъ, каждый имѣетъ право на жизненныя удобства, уже не говоря о рабочихъ, которые своимъ трудомъ создаютъ эти богатства. Они строятъ фабрики и заводы, желѣзныя дороги и пароходы, возводятъ великолѣпныя зданія, музеи, театры; добываютъ изъ рудниковъ желѣзо, золото и драгоцѣнные камни; ткутъ сукно и полотно, воздѣлываютъ поля. Однимъ словомъ, все, чѣмъ люди пользуются, создано трудомъ рабочихъ. А между тѣмъ рабочіе, трудомъ которыхъ созданы всѣ эти богатства, сами терпятъ нужду и часто даже голодъ. Вокругъ нихъ великолѣпные дома, построенные ихъ руками, а сами они тѣснятся въ сырыхъ, грязныхъ подвалахъ и конурахъ. Кругомъ магазины, переполненные товарами, произведенными ихъ руками, а рабочіе едва имѣютъ кусокъ хлѣба. Богатые получаютъ развлеченія въ театрахъ, учатся въ школахъ и библіотекахъ, а для рабочаго все это недоступно: у него нѣтъ ни времени, ни денегъ на удовольствія и науку.

Казалось бы, что если рабочіе трудомъ своимъ производятъ столько богатствъ, столько прекрасныхъ вещей, услаждающихъ жизнь человѣческую, то по справедливости они должны были бы сами первые всѣмъ этимъ и

пользоваться. Но вмѣсто этого мы видимъ, что именно тѣмъ, которые все производятъ, все это недоступно. Производя богатство, рабочіе сами принуждены жить въ лишеніяхъ и нищетѣ.

Отчего же происходитъ эта нужда рабочихъ?

Люди, которые не глубоко вникаютъ въ этотъ вопросъ, рѣшаютъ его такъ:

Нужда рабочихъ происходитъ оттого, что не хватаетъ на всѣхъ богатствъ. Это неправда. Помѣщики жалуются, что имъ некуда дѣвать хлѣбъ; фабриканты и заводчики, что нейдутъ ихъ товары. Можно-ли говорить о недостаткѣ богатствъ, когда тысячи вагоновъ увозятъ отъ насъ хлѣбъ, ленъ и другіе товары въ чужія страны. Нѣтъ, не въ этомъ причина нужды рабочихъ. Богатствъ въ мірѣ много и ихъ хватило бы на всѣхъ рабочихъ.

Другіе говорятъ, что бѣдность и нужда оттого, что слишкомъ много народа, что если бы война или какой-нибудь моръ поуменьшили число людей, то жить стало бы нѣсколько лучше, и что если бы не было столько людей, то не было бы и бѣдности и нищеты. Но и это неправда. Въ другихъ странахъ людей гораздо больше, чѣмъ у насъ. У насъ въ Россіи въ самыхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ на одну квадратную милю *) приходится до 3000 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Германіи—5146, въ Саксоніи—13,134, въ Англіи—10,968 человѣкъ, слѣдовательно, тамъ гораздо больше людей, чѣмъ у насъ, а между тѣмъ, нигдѣ нѣтъ такой нищеты, какъ у насъ въ Россіи. Слѣдовательно, не излишекъ народа, не густота населенія являются причиной нищеты и бѣдности.

---

*) Квадратной милей называется площадь длиною въ милю и шириною тоже въ милю, а миля равняется 7 верстамъ.

Нѣкоторые говорятъ еще, что нужда рабочихъ есть дѣло рукъ Божіихъ. Но если богъ таковъ, какимъ его намъ описываютъ, т. е. если онъ справедливъ и всемогущъ, то этого быть не можетъ. Потому что, гдѣ же справедливость въ томъ, когда лѣнтяи и мошенники пользуются всѣми благами міра, а трудящіеся терпятъ нужду? На бога ссылаются тѣ, которые хотятъ свалить вину съ себя за нужду рабочихъ и заставить ихъ безропотно сносить всѣ лишенія. Нужда рабочихъ есть дѣло рукъ человѣческихъ.

Многіе говорятъ еще, будто наша нищета отъ нашей лѣности и пьянства. Но рабочій, который работаетъ отъ 12 до 15 часовъ въ сутки, не можетъ быть названъ лѣнтяемъ, и развѣ мало людей не пьющихъ, которые все таки нуждаются?

Такъ, всевозможными баснями стараются люди объяснить себѣ, откуда происходитъ нищета рабочихъ. Всѣ эти сказки нарочно распространяютъ фабриканты и ихъ приспѣшники, разные ученые и журналисты, чтобы скрыть отъ рабочихъ настоящую правду и затуманить ихъ головы, потому что они боятся, чтобы рабочіе не узнали настоящей причины своей нищеты.

Нищета рабочихъ не происходитъ ни отъ недостатка богатствъ, ни оттого, что слишкомъ много народа, ни по волѣ божьей: нищета рабочихъ происходитъ оттого, что ихъ обираютъ фабриканты, и вотъ почему фабриканты такъ стараются скрыть передъ рабочими настоящую причину ихъ нужды.

Фабриканты, хозяева насъ обираютъ: мало платятъ, много заставляютъ работать, и оттого мы нуждаемся, бѣдствуемъ; оттого мы принуждены жить какъ рабочій скотъ. Это ясно какъ день. Каждый изъ насъ чувствуетъ и знаетъ это, но только не рѣшается говорить. Запуганные фаб-

рикантами, одурманенные попами, рабочіе повторяютъ за ними ихъ басни и сами обманываютъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ. Не ясно-ли каждому изъ насъ, что если бы фабриканты больше намъ платили, то мы имѣли бы и лучшія квартиры, и лучшую пищу и одежду, и сами мы и дѣти наши не ходили бы голодные и оборванные, можно было бы и повеселиться, и про черный день кое что оставить. Каждый изъ насъ знаетъ, что если бы его не заставляли такъ много работать, то онъ былъ бы и веселѣе, и здоровѣе, и у него было бы больше свободнаго времени и для отдыха, и для удовольствія.

Вотъ напр., живутъ рабочіе въ другихъ странахъ, хотя бы въ Америкѣ. Тамъ рабочій обыкновенно зарабатываетъ 2—3 рубля въ день, иногда даже 4 или 5, работаетъ же во многихъ случаяхъ не болѣе 8 часовъ въ сутки. Такой рабочій занимаетъ хорошенькую, здоровую квартирку, ѣстъ два раза въ день хорошую пищу, имѣетъ время къ обѣду и ужину, а когда выходитъ на улицу, его трудно отличить отъ всякаго «барина»; часто бываетъ въ театрѣ и въ концертахъ, посѣщаетъ библіотеки, различныя публичныя чтенія, однимъ словомъ, живетъ какъ подобаетъ жить образованному человѣку. А почему? А потому, что въ Америкѣ рабочіе добились большей заработной платы и болѣе коротнаго рабочаго дня, и это избавило ихъ отъ нищеты и невѣжества.

Поэтому вполнѣ ясно, что настоящая причина нищеты рабочихъ заключается въ слишкомъ малой заработной платѣ и въ слишкомъ длинномъ рабочемъ днѣ, или иными словами, въ обираніи (эксплуатаціи) рабочихъ фабрикантами.

Поэтому-то фабрикантамъ и ихъ защитникамъ такъ важно, чтобы рабочіе не знали, откуда происходитъ ихъ нищета; поэтому-то они обманываютъ ихъ разными баснями, что

Московскаго Губернскаго Земскаго Управленія Библіотека

мало богатствъ, много людей и т. п. Очень понятно, что фабриканты не хотятъ и боятся, чтобы рабочіе не узнали, что они бѣдствуютъ оттого, что ихъ обираютъ; но для рабочихъ это нежеланіе фабрикантовъ слишкомъ неуважительная причина для того, чтобы они могли отказываться узнать истину. Рабочіе должны узнать настоящую правду о своемъ положеніи.

А зачѣмъ фабрикантъ обираетъ (эксплуатируетъ) рабочихъ? На это каждый легко отвѣтитъ. Фабрикантъ обираетъ ихъ затѣмъ, чтобы имѣть больше денегъ. Чѣмъ меньше фабрикантъ заплатитъ рабочему, чѣмъ дольше заставитъ его работать, тѣмъ больше получитъ онъ барышей. Пускай каждый посчитаетъ, на какую сумму производитъ онъ въ теченіе недѣли товаровъ фабриканту и сравнитъ ее съ заработной платой, которую онъ получитъ за это же время, и ему станетъ ясно, насколько онъ даетъ фабриканту больше, чѣмъ самъ получаетъ.

Въ 1893 году въ Англіи была громадная стачка углекоповъ. Углекопы высчитали, что рабочіе копей получаютъ всѣ вмѣстѣ 150 милліоновъ рублей въ годъ заработной платы, а вырабатываютъ своимъ трудомъ на 320 милліоновъ, такъ что чистой прибыли своимъ хозяевамъ они приносятъ 170 милліоновъ. Изъ этого видно, что рабочій получаетъ менѣе половины того, что онъ вырабатываетъ или—что то же самое—что при другихъ порядкахъ онъ долженъ былъ бы получать заработную плату въ два раза большую. Изъ этого же расчета рабочіе вывели, что доходъ каждаго хозяина-капиталиста угольныхъ копей въ недѣлю равняется 1090 р., а на каждаго рабочаго заработной платы въ недѣлю приходится 9 р. 60 к.!

То же самое и въ другихъ производствахъ: всегда рабочій получаетъ лишь часть той цѣнности, которую онъ

производитъ фабриканту своимъ тяжелымъ трудомъ *). Но, скажутъ намъ, фабриканту слѣдуетъ получать такую прибыль потому, что онъ построилъ фабрику, завелъ машины, онъ даетъ матеріалъ. Но это неправда. Фабрикантъ самъ не строилъ ни своей фабрики, ни машинъ; ихъ построили рабочіе, которымъ хозяинъ также заплатилъ только за часть труда. Рабочіе же доставили ему и матеріалы. И всегда фабрикантъ большую часть труда рабочихъ не оплачиваетъ. Такимъ-то образомъ, капиталисты, благодаря тому, что съ рабочихъ они берутъ гораздо больше, чѣмъ сами имъ даютъ, скопили всѣ богатства, всѣ капиталы.

Изъ этого мы видимъ, что богатство фабрикантовъ получается изъ обиранія (эксплуатаціи) рабочихъ.

Вотъ зачѣмъ капиталисты обираютъ рабочихъ.

ГЛАВА II.

Интересы фабрикантовъ и рабочихъ.

Посмотримъ ближе, въ чемъ состоятъ интересы фабрикантовъ и рабочихъ.

Главная цѣль капиталиста получить возможно большую прибыль. Въ силу этого интересы его слѣдующіе: чтобы рабочая плата была низка, такъ какъ, чѣмъ онъ меньше

*) Это нужно понять хорошенько. Тутъ „хитрая механика“ Капиталистъ нанимаетъ рабочихъ за извѣстную плату, но эту плату тотъ успѣетъ вернуть ему своимъ трудомъ еще задолго до конца рабочаго дня. Пусть напримѣръ рабочій день длится 14 часовъ, а рабочій выработаетъ всю свою плату, скажемъ, въ 6 часовъ, тогда остальные 8 часовъ онъ работаетъ уже даромъ— прямо въ чистую прибыль хозяина. Вотъ, значитъ, откуда идетъ прибыль капиталистовъ—съ неоплаченнаго труда рабочихъ!

платитъ рабочимъ, тѣмъ больше денегъ положитъ къ себѣ въ карманъ; потомъ, чтобы рабочій день продолжался долго, такъ какъ чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ больше рабочій работаетъ даромъ на капиталиста, тѣмъ меньше капиталисту потребуется для извѣстной работы нанимать рабочихъ, а, слѣдовательно, и меньше расходовать на рабочую плату. Интересъ капиталиста также требуетъ поштучной платы, такъ какъ рабочій, работающій поштучно, работаетъ усерднѣе, съ большимъ напряженіемъ и вырабатываетъ больше штукъ, за которыя капиталистъ не платитъ ни гроша. Къ тому же, при поштучной платѣ фабриканту не нужно присматривать за рабочими. Наконецъ, фабриканту выгодно, чтобы рабочіе были необразованы и не понимали своего положенія, чтобы они думали, что все то, что они видятъ теперь вокругъ себя, всегда было и всегда такъ будетъ.

Поэтому они стараются, чтобы рабочіе возможно меньше читали, а если ужъ невозможно совсѣмъ удержать рабочаго отъ чтенія, то чтобы читали книжки, въ которыхъ разсказываются всѣ эти басни. Капиталисту выгодно, чтобы рабочіе возможно меньше читали и ничего больше не знали, кромѣ своего мастерства. Такія необразованные рабочіе легче поддаются эксплуатаціи, болѣе слушаются и покорнѣе все переносятъ. Вотъ каковы интересы фабриканта.

Интересы рабочаго совсѣмъ другіе. Мы ихъ и разсмотримъ подробно.

1. Рабочимъ выгодно получать высокую заработную плату.

Интересъ всякаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы быть здоровымъ, бодрымъ, вести жизнь, какъ подобаетъ

человѣку, т. е. имѣть возможность удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ какъ умственнымъ, такъ и нравственнымъ. Для этого необходимы: просторная, сухая и теплая квартира, сытая, здоровая, по возможности разнообразная пища, прочная, достаточно теплая одежда, посильный физическій трудъ, который не изнурялъ бы человѣка, а держалъ бы его бодро въ здоровомъ состояніи. Ему необходимо пользоваться книгами, журналами и газетами, чтобы доставить пищу уму; ему необходимъ достаточный отдыхъ для того, чтобы возстановить свои физическія и умственныя силы, а для этого нужно, чтобы сонъ могъ продолжаться безъ перерыва 7—8 часовъ въ сутки; ему необходимо кое когда разныя удовольствія для того, чтобы онъ могъ освѣжиться,—а для этого онъ долженъ имѣть возможность посѣщать театры, концерты и другія общественныя увеселенія. Для того, чтобы жизнь его была осмыслена и не походила на жизнь сытаго скота, ему необходимо, чтобы жизнь его была полезна не только для него, но и для другихъ, для общества; а для этого необходимо, чтобы онъ могъ участвовать въ общественной жизни, могъ посвящать свои силы на общественную пользу. Таковы интересы вообще человѣка. Но мы живемъ въ такомъ обществѣ, гдѣ рабочіе живутъ продажей своей рабочей силы и гдѣ удовлетворять свои потребности можно не иначе, какъ за деньги. Ясно, слѣдовательно, что для того, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, рабочимъ надо получать такую заработную плату, которой хватало бы и на приличную одежду, и на книги, и на газеты, и на разныя удовольствія, на воспитаніе дѣтей, да чтобы еще послѣ этого оставалось кое что сберечь и про черный день, на старость. Слѣдовательно, въ интересахъ рабочихъ получать высшую заработную плату. Отъ величины за-

работной платы вполнѣ зависитъ быть рабочихъ. А насколько ихъ теперешнее положеніе далеко отъ того, какого въ правѣ требовать каждый изъ нихъ, видно каждому рабочему. Низкая плата—главная причина ихъ нужды. Фабриканты стараются платить какъ можно меньше, — именно столько, сколько необходимо рабочимъ для того, чтобы не умереть съ голоду. Въ какой обстановкѣ живутъ рабочіе, что ѣдятъ, хватаетъ ли имъ ихъ заработной платы на содержаніе семьи—эти вопросы нисколько не интересуютъ капиталиста, имъ нужна только рабочая сила и какъ можно дешевле. Рабочій же не можетъ смотрѣть на это безучастно; ему нужна большая заработная плата, которая могла бы избавить его отъ давящей теперь нищеты.

Плата должна быть настолько высока, чтобы она обезпечивала ему здоровую и довольную жизнь, чтобы она позволяла ему сберегать часть заработка про черный день. Это весьма важно. Теперь рабочій получаетъ такъ мало, что онъ ничего не можетъ сберечь, и когда приходитъ старость, болѣзнь или безработица, то приходится умирать съ голоду или просить милостыню.

Кромѣ того, весьма полезно для рабочихъ, чтобы плата была не поштучная, а поденная. Поштучная плата вынуждаетъ рабочихъ усиленнѣе работать, выгодъ же не даетъ никакихъ. Хотя рабочій, работая усиленнѣе, можетъ выработать больше, но капиталистъ въ такихъ случаяхъ понижаетъ разцѣнки и заработокъ рабочаго, въ концѣ концовъ, сводится къ прежнему. Такимъ образомъ, поштучная плата не только не повышаетъ, но понижаетъ заработную плату, такъ какъ работать приходится больше, а получаютъ рабочіе столько же. Правда, болѣе ловкій рабочій при поштучной платѣ всегда можетъ сдѣлать больше штукъ и такимъ образомъ выработать больше средняго, обыкновеннаго рабочаго, но такъ

какъ расцѣнки понижаются, то въ выигрышѣ остаются одни хозяева. Такъ напр., положимъ, средній рабочій можетъ сработать 7 штукъ какого-нибудь товара, а болѣе ловкій 8 штукъ. Если за штуку они получаютъ по 10 коп., то первый заработаетъ 70 коп., а второй—80 коп. Но вотъ и средніе рабочіе, въ надеждѣ на лучшій заработокъ, начинаютъ усиленнѣе работать, а вмѣстѣ съ этимъ и капиталистъ понижаетъ расцѣнки. Вмѣсто 10 коп. онъ начинаетъ платить 9 коп. за штуку. Тогда болѣе ловкому рабочему, чтобы выработать прежнія 80 коп., придется сработать уже 9 штукъ, а среднему, чтобы выработать прежнія 70 коп.,—8 штукъ. Кто же выигралъ? Капиталисту это очень выгодно: онъ платитъ почти столько же, а получаетъ гораздо больше. Но рабочіе теряютъ при этомъ вслѣдствіе того, что напрасно тратятъ силы. Кромѣ того, поштучная плата позволяетъ мастерамъ и фебрикантамъ производить разныя мошеннническія продѣлки, отъ которыхъ трудно защититься. При поденной платѣ надувательство труднѣе: рабочіе работаютъ съ меньшимъ напряженіемъ, а зарабатываютъ столько же, сколько платили бы имъ поштучно.

2. Рабочимъ выгоденъ короткій рабочій день

Но, чтобы быть здоровымъ, веселымъ и бодрымъ, недостаточно еще получать хорошую заработную плату, т. е. имѣть возможность пользоваться здоровымъ, просторнымъ жилищемъ, хорошей пищей и пр. Необходимо еще, чтобы трудъ человѣка былъ умѣренный и не изнурялъ его тѣло, чтобы время для отдыха и сна было достаточно для того, чтобы возстановить потраченныя на работѣ силы; для того чтобы постоянно быть свѣжимъ умственно, необходимо, чтобы кромѣ возможности поль-

зоваться книгами и газетами, было и свободное время для этого Слѣдовательно, рабочій заинтересованъ въ томъ, чтобъ его рабочій день не продолжался слишкомъ долго, чтобы трудъ не изнурялъ его тѣла, не убивалъ его здоровья и ума. Такой рабочій день, какой теперь вообще принятъ на фабрикахъ, убиваетъ рабочихъ, истощаетъ ихъ силы, подрываетъ здоровье, отнимаетъ время отъ необходимаго отдыха.

За границей рабочіе поняли весь вредъ длиннаго рабочаго дня и теперь борются за сокращеніе его до восьми часовъ.

Если бы рабочіе работали только восемъ часовъ въ сутки, они теряли бы меньше силъ, отчего продолжительность ихъ жизни увеличилась бы. Всѣ болѣзни, которымъ подвержены рабочіе,—чахотка, ревматизмъ, воспаленіе глазъ и т. д., значительно уменьшились бы. Кромѣ того, рабочіе имѣли бы больше времени для досуга, для развлеченій, для занятія науками и своимъ рабочимъ дѣломъ. Если бы на фабрикахъ былъ введенъ восьмичасовой рабочій день, рабочіе легче получали бы заработокъ, такъ какъ хозяинъ нуждался бы тогда въ большемъ количествѣ рабочихъ. Тамъ, гдѣ теперь работаютъ сто человѣкъ по 12 часовъ въ сутки, при восьми часахъ потребуется 150 человѣкъ, чтобы дать капиталисту то же количество товаровъ. Если бы у насъ, напр., былъ веденъ восьмичасовый рабочій день, то вмѣсто 1,500,000 рабочихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ Европейской Россіи, потребовалось бы больше, а именно, болѣе двухъ милліоновъ. Слѣдовательно, полъ-милліона человѣкъ, остающихся теперь безъ работы, нашли бы заработокъ. Въ результатѣ получилась бы громадная польза для рабочихъ. Не только много людей, находящихся теперь въ страшной нуждѣ, нашло бы тогда ра-

боту, но вмѣстѣ съ тѣмъ возросла бы заработная плата.

Причиною того, что у насъ теперь такъ низка заработная плата, между прочимъ является избытокъ людей, не имѣющихъ работы и соглашающихся работать за ничтожное вознагражденіе. Это мѣшаетъ устраивать стачки и позволяетъ капиталистамъ не дорожить рабочими. Поэтому, если бы вездѣ былъ установленъ восьмичасовый рабочій день, то вслѣдствіе уменьшенія числа рабочихъ, не имѣющихъ работы, рабочая плата повысилась бы.

Примѣры этого мы постоянно встрѣчаемъ за границей. Въ Англіи напр., когда рабочіе работали по 12 часовъ въ сутки, они получали всего 16 шиллинговъ*) въ недѣлю; когда же они завоевали себѣ десятичасовый день, на тѣхъ же ткацкихъ фабрикахъ они стали получать по 22 шиллинга въ недѣлю.

Итакъ, восьмичасовый рабочій день даетъ рабочимъ здоровье, удлиняетъ жизнь, оставляетъ свободное время, обезпечиваетъ большій заработокъ, а кромѣ того спасаетъ отъ холода и голода тѣхъ, которые теперь находятся безъ работы.

Поэтому, въ интересахъ рабочихъ добиваться восьмичасового рабочаго дня.

3. Рабочему выгодно быть образованнымъ человѣкомъ.

Рабочему мѣшаетъ болѣе всего его непониманіе своего положенія. Рабочій, не понимающій своего положенія позволяетъ капиталисту эксплуатировать и угнетать себя. Онъ готовъ повѣрить всякому вздору, который ему будутъ внушать тѣ, которые пользуются его трудомъ.

Онъ повѣритъ тому, что все дѣлается по волѣ Бо-

*) Шиллингъ равняется 31 коп. съ четвертью.

жіей и что, если есть на землѣ бѣдные и богатые, счастливые и несчастные, такъ это всегда такъ было и всегда такъ будетъ, что бѣдность и несчастіе ниспосланы богомъ для испытанія человѣка и что, поэтому, нужно кротко и смиренно сносить все это и этимъ смиреніемъ заслужить царствіе божіе.

Съ такими рабочими капиталисту легче справиться, такъ какъ они покорно все сносятъ.

Вѣрное пониманіе своихъ интересовъ дало возможность рабочимъ другихъ странъ создать изъ себя силу, которая позволила имъ улучшить свое положеніе и заставила другихъ уважать ихъ. Капиталисты боятся сознательныхъ рабочихъ—не понимающими же правильно своихъ интересовъ всѣ помыкаютъ.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ, рабочіе составляютъ самый важный классъ, такъ какъ ихъ трудомъ живетъ цѣлый народъ и содержится правительство. Поэтому рабочіе, сами того не подозрѣвая, составляютъ большую силу. Вотъ почему всѣ дармоѣды, живущіе ихъ трудомъ, стараются не выпускать ихъ изъ-подъ своего вліянія. Капиталисты стараются убѣдить ихъ въ томъ, что иначе, чѣмъ теперь, и быть не можетъ; попы пугаютъ ихъ адомъ и гнѣвомъ божіимъ и увѣряютъ, что смиреніе и покорность—величайшая заслуга передъ богомъ; разные наемные писаки и прислужники богатыхъ при помощи книгъ и газетъ, якобы на основаніи науки, увѣряютъ рабочихъ, что капиталистъ ихъ величайшій другъ и благодѣтель и дѣлаетъ для нихъ все, что только можетъ сдѣлать. Рабочій долженъ дѣйствительно хорошо понимать свои интересы и свое рабочее дѣло, чтобы не поддаться на всѣ эти ученыя хитрости и отличить своихъ враговъ отъ друзей. А для этого рабочему необходимо быть самому образованнымъ человѣкомъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что интересы фабрикантовъ и рабочихъ совершенно противоположны: Фабриканты стараются имѣть какъ можно большіе барыши, и поэтому обираютъ (эксплуатируютъ) рабочихъ; послѣдніе же стремятся добиться достатка и свободы. Капиталисты желаютъ низкой заработной платы, длиннаго рабочаго дня и невѣжества рабочихъ; рабочіе же требуютъ высокой заработной платы, короткаго рабочаго дня и возможности учиться. Одни желаютъ жить чужимъ трудомъ, другіе—избавиться отъ грабежа и угнетенія.

Вотъ почему между капиталистами и рабочими никогда не можетъ быть единства и согласія, а всякая со стороны капиталистовъ благотворительность и всякія заискиванія дѣлаются для вида, а въ сущности представляютъ ловкія выходки съ цѣлью обмануть рабочихъ.

Жизнь намъ даетъ массу примѣровъ этого. Тотъ самый капиталистъ, который заставляетъ рабочихъ трудиться по 12 и болѣе часовъ въ сутки и урѣзываетъ, гдѣ только можетъ, плату рабочимъ, играетъ въ благотворительность, основываетъ какой-нибудь пріютъ, больницу или раздаетъ милостыню все съ тою цѣлью, чтобы стать въ глазахъ рабочихъ благодѣтелемъ, а главное потому, что онъ прекрасно понимаетъ необходимость устройства такихъ пріютовъ, больницъ и т. д. для спасенія всей эксплоататорской системы капитализма, такъ какъ онъ знаетъ, что если оставить безработныхъ и другихъ угнетенныхъ безъ всякой помощи, то озлобленіе ихъ можетъ разразиться и бунтомъ и ему самому со всѣми его богатствами можетъ угрожать опасность. Онъ боится этого и поэтому, стараясь всѣми силами держать рабочихъ въ невѣжествѣ и угнетать массу, онъ въ то же время зорко смотритъ, чтобы озлобленіе не слишкомъ обострилось и время отъ времени выбрасываетъ грошевыя подачки. Награбивъ

деньги отъ труда рабочихъ, онъ легко можетъ удѣлить имъ какія-нибудь крохи. Это очень похоже на то, какъ если бы воръ, укравши много денегъ, далъ бы обокраденному въ видѣ милостыни нѣсколько копѣекъ, да еще требовалъ, чтобы тотъ благодарилъ его за это.

А между тѣмъ находятся еще такіе рабочіе, которые по своей простотѣ смотрятъ на капиталиста, какъ на своего благодѣтеля. Они говорятъ: онъ даетъ намъ работу, онъ даетъ намъ средства къ жизни. Да, дѣйствительно, онъ нанимаетъ рабочихъ на фабрики и заводы, но съ тѣмъ, чтобы ихъ грабить; онъ нанимаетъ рабочихъ потому, что они даютъ ему возможность не работать самому, и что безъ нихъ онъ не можетъ обойтись. Развѣ это онъ дѣлаетъ для того, чтобы не дать имъ погибнуть съ голоду? Вѣдь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ его выгода, онъ безъ церемоніи, несмотря ни на что, выбрасываетъ рабочихъ съ фабрики, не спрашивая ихъ, есть ли у нихъ на завтра хлѣбъ? Хорошъ благодѣтель и опекунъ! Нанимаетъ рабочихъ, чтобы ихъ грабить, отнимаетъ у нихъ произведенные ими продукты и взамѣнъ бросаетъ имъ ничтожныя крохи. Не онъ даетъ рабочимъ работу, а рабочіе отдаютъ ему свой трудъ; не онъ кормитъ рабочихъ, а рабочіе создаютъ его богатства; рабочіе своей нищетой и каторжнымъ трудомъ даютъ ему возможность вести сытую, довольную жизнь, утопать въ роскоши и развратѣ.

Итакъ, нечего вѣрить въ добрыя намѣренія и помощь капиталиста. Его интересы совершенно противоположны интересамъ рабочихъ, и онъ всегда будетъ дѣлать только то, что принесетъ ему большую пользу. Гдѣ только онъ можетъ, онъ надуваетъ и грабитъ рабочихъ, а если попадетъ еще на глупаго, то съумѣетъ такъ его обольстить, что тотъ еще будетъ считать его своимъ благодѣтелемъ.

Рабочіе никогда не должны забывать своихъ интересовъ: только высокая заработная плата, короткій рабочій день и возможно широкое образованіе могутъ обезпечить рабочимъ благосостояніе и свободу.

ГЛАВА III.

Въ чемъ заключается сила рабочихъ.—Союзы.—Стачки.

Мы живемъ въ обществѣ, одну часть котораго составляютъ фабриканты, заводчики и вообще всякіе капиталисты, живущіе чужимъ трудомъ. Думать, что эти господа откажутся отъ какихъ бы то ни было выгодъ въ пользу рабочихъ—нелѣпо. Барышъ и жажда прибыли поглощаютъ ихъ вполнѣ, а мы видѣли, что ихъ польза требуетъ прямо противоположнаго тому, что надо рабочему. Мы видѣли, что чѣмъ длиннѣе рабочій день, чѣмъ меньше заработная плата, чѣмъ больше безработныхъ и чѣмъ невѣжественнѣе и темнѣе рабочій, тѣмъ для нихъ, капиталистовъ, лучше, тѣмъ большіе барыши получаютъ они. Поэтому думать, что у этихъ господъ проснется совѣсть и они захотятъ добровольно улучшить положеніе рабочаго, такъ же нелѣпо, какъ предполагать, что волкъ выпуститъ изъ состраданія ненавидящуюся ему овцу.

Рабочіе могутъ быть вполнѣ убѣждены въ томъ, что всякое самое пустячное улучшеніе въ своемъ положеніи они могутъ получить, только сознательно добиваясь этого улучшенія, только требуя его отъ хозяина, и только тогда хозяинъ уступитъ, когда они принудятъ его сдѣлать это путемъ безпрестанныхъ, настойчивыхъ

требованій. Капиталистъ заботится о своихъ выгодахъ и потому сердце его не трепется при видѣ человѣческой нужды: онъ самъ—ея причина. Слѣдовательно, нужно помнить, что только собственными своими усиліями рабочіе могутъ что либо сдѣлать для себя.

Точно также и правительство ничего не сдѣлаетъ для рабочихъ, если сами они не будутъ требовать нужнаго для нихъ.

Всякому мало мальски мыслящему человѣку видно, что правительство есть слуга богатыхъ и имущихъ, оно «оберегаетъ священныя права собственности» капиталистовъ и подъ его покровомъ и отеческой защитой происходитъ все то гнусное высасываніе человѣческой крови и грабительство, которые мы встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ есть хозяинъ и наемный работникъ, имущій и неимущій. Думать, что это правительство, само состоящее изъ эксплуататоровъ и поэтому какъ зеницу ока берегущее интересы эксплуататоровъ, само вдругъ проникнется доброжелательствомъ по отношенію къ рабочимъ, придетъ къ нимъ на помощь,—это значитъ думать, что оно можетъ отказаться отъ самого себя, отъ своихъ интересовъ. Рабочіе должны понять это и въ этомъ пониманіи заключается вся ихъ сила. Они должны понять, что въ нашемъ обществѣ у нихъ нѣтъ друзей и защитниковъ, что единственно только сами своими усиліями они могутъ улучшить свое положеніе, добиться и большей заработной платы, и болѣе короткаго рабочаго дня.

Сила эта громадна. Но сила эта станетъ дѣйствительной силой только тогда, когда рабочіе, понявъ свои интересы, поняв, что только сами путемъ дружныхъ требованій могутъ добиться улучшенія своего положенія, дружно и солидарно выступятъ какъ классъ рабочихъ.

Не понимая своихъ интересовъ, дѣйствуя врозь, они безсильны и жалки, потому что сами, толкаемые голодомъ и необходимостью, своимъ соперничествомъ ухудшаютъ свое положеніе.

Фабриканты, капиталисты и правительство боятся классоваго самосознанія рабочихъ, какъ огня; они чувствуютъ и знаютъ, что въ этомъ заключается сила рабочихъ и что если выступитъ эта сила, то волей-неволей придется уступать, исполнять справедливыя требованія рабочихъ. И они всѣми силами стараются отдалить этотъ моментъ.

Мало того. Желая какъ можно долѣе обманывать рабочихъ, правительсво дѣлаетъ видъ, что заботится объ ихъ интересахъ и всегда готово поэтому дѣлать рабочимъ грошевыя уступки, которыя въ сущности не имѣютъ значенія, такъ какъ въ дѣйствительности не выполняются.

Когда рабочіе тихо сидятъ, ничего не требуютъ и переносятъ все безропотно, то правительство не находитъ нужнымъ сдерживать жадность капиталистовъ и дѣлать даже тѣ грошевыя уступки, на которыя оно способно. Даже для того чтобы получить эти грошевыя уступки, рабочіе должны громко заявлять о своихъ нуждахъ, о своемъ неудовольствіи, о необходимости такихъ-то и такихъ-то улучшеній. Только тогда можно надѣяться, что правительство и капиталисты принуждены будутъ подумать объ уступкахъ. И только этимъ путемъ,—путемъ борьбы съ хозяевами и требованій у правительства рабочіе добьются улучшенія своего положенія.

Но мы уже говорили, что сила фабрикантовъ, а безсиліе рабочихъ состоитъ въ разрозненности рабочихъ, въ ихъ дѣйствіи врозь, въ одиночку. Для того, чтобы можно было вести борьбу съ капиталистами, или требовать чего нибудь отъ правительства, рабочимъ нужно выступать

дружно, по возможности какъ одинъ человѣкъ. А это будетъ возможно только тогда, когда рабочіе сорганизуются. Лучшимъ средствомъ для этого служатъ всякаго рода рабочіе союзы, какъ мы видимъ изъ примѣра нашихъ братьевъ—рабочихъ другихъ странъ.

Въ Англіи, Франціи, Германіи нѣтъ ни одной фабрики, на которой рабочіе путемъ стачки не добивались какихъ либо улучшеній и, не останавливаясь на этихъ уступкахъ, не требовали все новыхъ и новыхъ. Вотъ почему за границей рабочіе живутъ лучше, чѣмъ у насъ. Въ Берлинѣ при десятичасовомъ рабочемъ днѣ рабочій на машиностроительныхъ заводахъ зарабатываетъ въ недѣлю 17 руб., литографы—15 руб., рабочій на стекляныхъ заводахъ — 11 руб. Во Франціи пекаря зарабатываютъ 3 руб. въ день, плотники—4 руб., каменьщики—4 р., ткачи на большихъ фабрикахъ—2 р. 50 к. Высчитано, что въ среднемъ французскій рабочій получаетъ въ четыре раза болѣе, чѣмъ нашъ; женщина получаетъ въ три раза болѣе, чѣмъ у насъ мужчина, и даже малолѣтніе получаютъ больше, чѣмъ у насъ взрослые. При этомъ рабочій день на большинствѣ фабрикъ продолжается 10, а на нѣкоторыхъ даже девять часовъ. Въ Англіи машиностроительный рабочій зарабатываетъ въ недѣлю 19 р., въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ даже 20 р.; наборщикъ 18 р., кузнецъ 14 р. при девятичасовомъ рабочемъ днѣ, маляры же при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ зарабатываютъ отъ 12 до 21 руб. въ недѣлю. Въ Сѣверной Америкѣ во многихъ мѣстахъ введенъ уже восьмичасовый рабочій день, а заработная плата рабочихъ болѣе высока, чѣмъ въ Англіи. И всѣмъ этимъ рабочіе обязаны исключительно своей силѣ.

Заграницей рабочіе одного мастерства въ каждомъ городѣ, а иногда и во всемъ государствѣ соединяются въ

союзы, устраиваютъ кассы, куда дѣлаютъ ежемѣсячные взносы. Эти союзы помогаютъ рабочимъ во время безработицы, даютъ пенсіи старикамъ, устраиваютъ читальни и клубы для рабочихъ. Но главная ихъ цѣль — помогать рабочимъ во время стачекъ. Громадная также заслуга этихъ союзовъ въ томъ, что они объединяютъ рабочихъ, пріучаютъ ихъ къ совмѣстной дѣятельности и даютъ возможность рабочимъ вести упорную борьбу съ хозяевами. Эти союзы, соединенные между собою, и составляютъ одну рабочую партію. Каждые два-три года собирается съѣздъ выборныхъ отъ рабочей партіи каждаго государства и они стремятся соединить рабочихъ всѣхъ странъ въ одну всемірную рабочую партію. Союзы эти обладаютъ громадной силой: въ Америкѣ въ союзахъ участвуетъ милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ, въ Англіи тоже больше милліона. Въ кассахъ англійскихъ рабочихъ союзовъ было въ 1892 году около 12 милліоновъ рублей, изъ нихъ на поддержку стачекъ истрачено четыре милліона рублей. Даже такая маленькая страна, какъ Бельгія, въ которой жителей только раза въ три болѣе, чѣмъ въ одной Московской губерніи, и тамъ около ста тысячъ рабочихъ соединены въ рабочіе союзы. И вотъ эти союзы ведутъ упорную борьбу съ хозяевами за увеличеніе заработной платы и укороченіе рабочаго дня.

Когда наступитъ подходящее время, такой союзъ предъявляетъ хозяину свои требованія и, если хозяинъ не уступаетъ, всѣ бросаютъ работу и начинается стачка.

При всякой стачкѣ важно, чтобы рабочіе могли ее выдержать какъ можно долѣе. Для этого служитъ имъ касса. Каждый изъ стачечниковъ получаетъ изъ кассы извѣстную сумму денегъ; такимъ образомъ рабочіе могутъ сопротивляться довольно долго, иногда нѣсколько мѣсяцевъ. Тѣмъ болѣе, что обыкновенно бываетъ такъ,

что когда рабочіе какого-нибудь ремесла объявляютъ стачку, ихъ поддерживаютъ рабочіе другихъ ремеслъ, помогая имъ деньгами ду тѣхъ поръ, пока они не добьются удовлетворенія своихъ требованій.

Въ Англіи въ 1893 году было около ста стачекъ, въ которыхъ участвовало около 611 тысячъ человѣкъ, и большинство этихъ стачекъ окончилось въ пользу рабочихъ. Особенно огромная была стачка, которая возгорѣлась лѣтомъ 1893 года среди рабочихъ каменноугольныхъ копей. Хозяева рѣшили сбавить рабочимъ плату. Союзъ рудокоповъ рѣшилъ объявить стачку, Въ ней приняло участіе до 300 тысячъ рабочихъ. Когда средства у союза истощились, ему помогали другіе англійскіе союзы, и даже помогали рабочіе другихъ странъ. И вотъ, благодаря тому, что всѣ дружно стояли другъ за друга, стачка послѣ трехъ мѣсяцевъ окончилась въ пользу рабочихъ.

Капиталисты очень боятся такихъ стачекъ, особенно когда у нихъ много заказовъ; капиталисту каждый лишній день стачки приноситъ тысячи рублей убытка. Фабрика стоитъ безъ дѣла, машины портятся, купцамъ онъ не можетъ во время доставить товара, заказы не исполняются, дѣла его разстраиваются, кредитъ падаетъ; въ концѣ концовъ его ждетъ разореніе, если онъ не уступитъ рабочимъ.

Потому-то, если рабочіе стойко держатся другъ за друга, то они почти всегда могутъ надѣяться на побѣду.

Вотъ что говоритъ о стачкѣ англійскій капиталистъ Торнтонъ, большой недоброжелатель рабочихъ:

«Фабрикантъ, теряя свой капиталъ, теряетъ все: рабочій же не тратитъ своей рабочей силы и во всякій моментъ можетъ опять приняться за работу и зарабатывать себѣ средства къ жизни. Поэтому-то рабочіе могутъ съ далеко меньшими средствами выдержать стач-

ку гораздо дольше, чѣмъ капиталистъ. Если стачка продолжается слишкомъ долго, капиталъ фабриканта быстро таетъ, а капиталъ для фабриканта—это его кровь, его жизнь. Между тѣмъ рабочій, добивающійся лучшихъ условій труда, сохраняетъ все время капиталъ свой, т. е. свою рабочую силу, неприкосновеннымъ. Къ тому же, фабрикантъ обыкновенно любитъ спокойствіе: всю свою душу влагая въ свое предпріятіе, онъ боится и избѣгаетъ всякихъ непріятностей. Поэтому фабриканты не любятъ какихъ бы то ни было столкновеній; они такъ сильно подвергаются риску и непріятностямъ во время своихъ споровъ съ рабочими, что какъ бы ни были велики прежнія уступки ихъ рабочимъ, они всегда готовы согласиться на новыя, лишь бы прекратить стачку».

Такъ пишетъ о фабрикантахъ фабрикантъ, который прекрасно ихъ знаетъ. И въ его словахъ много правды. Дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ только рабочіе настойчиво и дружно требовали уступокъ, они ихъ получали.

Въ 1890 году въ Германіи сапожники, объединенные въ общій ремесленный союзъ, вступили въ стачку одновременно чуть ли не по всей странѣ. Результаты были слѣдующіе: въ Хемницѣ они добились увеличенія платы на 2 марки *) и сокращенія рабочаго дня на 4 часа, въ Нюренбергѣ—на 4 марки и на 1 часъ, въ Эйзенахѣ—2 марки и 4 часа, въ Деличѣ—3 марки и 3 часа, тогоже они добились въ Магдебургѣ, Мюнхенѣ, Марбургѣ и Дармштадтѣ; въ Берлинѣ же они добились увеличенія заработной платы на 9 марокъ и сокращенія рабочаго дня на 5 часовъ! Въ 1889 году вспыхнула громадная стачка въ каменноугольныхъ копяхъ въ Вестфаліи; въ

*) Марка на русскія деньги стоитъ 50 коп.

стачку вступило сто тысячъ углекоповъ. Они требовали увеличенія заработной платы на 15 процентовъ, уничтоженія сверхсрочнаго труда и введенія восьмичасовыхъ смѣнъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль стачки не только хозяева, но и само правительство перепугалось успѣховъ стачки и пришлось уговаривать хозяевъ согласиться на уступки. Недостатокъ угля заставляетъ себя сильно чувствовать. Многія фабрики принуждены были совершенно пріостановить работы. Правительство созвало коммиссію для того, чтобы привести хозяевъ и рабочихъ къ соглашенію. Самъ король былъ перепуганъ размѣрами стачки и уговаривалъ собственниковъ копей уступить рабочимъ. «Желательно было бы—говорилъ онъ—чтобы хозяева копей помирились съ рабочими и чтобы больше такихъ волненій не было; прошу хозяевъ удовлетворить требованія рабочихъ и всегда ихъ требованія имѣть въ виду; прошу, чтобы каменноугольныя общества, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи большую часть моихъ подданныхъ, занятыхъ трудомъ въ копяхъ, заботились объ ихъ благосостояніи. Весьма понятно и естественно, что всякій стремится къ большимъ удобствамъ жизни; рабочіе читаютъ газеты и знаютъ, какъ ихъ заработная плата относится къ барышамъ фабрикантовъ; весьма естественно, поэтому, что они хотятъ получить участіе въ этихъ барышахъ. На мнѣ лежитъ обязанность заботиться одинаково какъ объ интересахъ предпринимателей, такъ и объ интересахъ рабочихъ». Такъ говорилъ король, потому что видѣлъ необходимость уступить силѣ рабочихъ. Хозяева копей принуждены были уступить и удовлетворить всѣ требованія рабочихъ, здѣсь нѣтъ никакой возможности описывать всѣ стачки окончившіеся побѣдой рабочихъ, ибо ихъ было такъ много, что для этого не хватило бы мѣста. Достаточно будетъ сказать, что во Франціи напр., ежегодно

бываетъ 35 удачныхъ стачекъ, а въ Сѣверной Америкѣ съ 1881 года до 1886 года было ихъ 1700, и кончились они полной побѣдой рабочихъ, такъ какъ 700 тысячамъ рабочихъ опѣ принесли болѣе высокую заработную плату и болѣе короткій день; въ 1886 и 1887 годахъ было 394 стачки, которыми рабочіе повысили себѣ заработную плату съ 80 р. на 160 въ мѣсяцъ, т. е. удвоили ее, а рабочій день сократили съ одиннадцати часовъ до восьми.

Не менѣе крупныя побѣды достались на долю рабочихъ въ Англіи. Сила профессіональныхъ (ремесленныхъ) союзовъ тамъ громадна; къ этимъ союзамъ принадлежатъ милліоны рабочихъ, поэтому и суммы, которыми располагаютъ эти союзы, громадны и считаются милліонами рублей. Сознаніе своихъ интересовъ и единство, съ которымъ они выступаютъ, дѣлаютъ англійскихъ рабочихъ непобѣдимыми. Тотъ же Торнтонъ, слова котораго мы приводили, говоритъ о нихъ, что «энергіей и единствомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, мужествомъ и настойчивостью, съ какими они стремятся къ своей цѣли, они заслуживаютъ названіе героевъ». Другой же англійскій капиталистъ, Гаризонъ, говоритъ, что «сила союзовъ такъ велика, что никакая борьба съ нимъ немыслима». Рабочіе союзы распоряжаются почти всѣмъ въ промышленности. Кто не желаетъ принадлежать къ союзамъ, того они совершенно не допустятъ къ работѣ. Во время стачки, каждый стачечникъ получаетъ изъ стачечной кассы по 7 рублей въ недѣлю. Для того, чтобы никого изъ посторонникъ не допустить къ работѣ, на мѣстѣ стачки союзъ устраиваетъ такъ-называемые «пикеты»; въ Лондонѣ во время стачки портныхъ передъ каждой портняжной мастерской стоялъ подобный «пикетъ» изъ рабочихъ. Задача подобнаго «пикета» состоитъ въ томъ, чтобы за-

держивать всѣхъ рабочихъ, желающихъ папяться въ данной мастерской, выяснить имъ, въ чемъ дѣло, и если рабочій не послушаетъ ихъ убѣжденія, то они силой не допускаютъ его на фабрику. Съ тѣми же, которые измѣняютъ рабочему дѣлу, становятся на сторону фабрикантовъ, союзъ поступаетъ сурово. Имена такихъ измѣнниковъ союзъ печатаетъ на такъ называемыхъ «черныхъ листахъ» и разсылаетъ рабочимъ всѣхъ фабрикъ, вслѣдствіе чего рабочіе ни на одной фабрикѣ не соглашаются работать вмѣстѣ съ измѣнниками, которые остаются подъ всеобщимъ проклятіемъ, покуда не исправятся.

Такъ-то энергично и дружно борются рабочіе другихъ странъ за лучшія условія жизни со своими хозяевами. Союзами, кассами и стачками рабочіе другихъ странъ сильно улучшили свое положеніе. Плата за послѣдніе 40 лѣтъ почти удвоилась, а рабочій день съ 13-15 часовъ сократился до 10 часовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 9 и даже 8. Вотъ какихъ результатовъ добились заграничные рабочіе! Сапожники, столяры, портные, типографщики, машиностроительные рабочіе, ткачи, углекопы и пр. выдержали упорную борьбу со своими хозяевами, принудили даже правительство издать полезные для нихъ законы, и теперь продолжаютъ бороться за новыя уступки и улучшенія. Ихъ борьба должна послужить намъ примѣромъ.

Нѣкоторые, можетъ быть, скажутъ, что заграницей у рабочихъ совсѣмъ иныя права и что рабочіе тамъ совсѣмъ не таковы, какъ у насъ. Правда, тамъ рабочіе имѣютъ сравнительно больше правъ: тамъ они могутъ свободно заключать союзы, устраивать стачки, могутъ собираться толковать о своихъ дѣлахъ, тамъ могутъ издаваться книги и газеты, въ которыхъ объясняется рабочимъ ихъ положеніе; законы тамъ издаются парламентами, состоя-

щими изъ выборныхъ, между которыми могутъ быть и выборные отъ сознательныхъ рабочихъ, защищающіе права рабочихъ и старающіеся провести полезные рабочимъ законы. Но все же не нужно забывать, что и заграничное правительство какъ и всякое правительство вообще, есть защитникъ имущихъ классовъ, и только въ силу необходимости, благодаря безустанной и упорной борьбѣ, рабочимъ удалось завоевать выше приведенныя права. Но и здѣсь борьбѣ не конецъ, такъ какъ недостаточно завоевать себѣ права, надо умѣть отстоять ихъ: хозяева всегда стараются найти возможность обойти полезные для рабочихъ законы, грубо нарушить тѣ или другія завоеванныя рабочими права. И зорко приходится рабочимъ слѣдить за выполненіемъ полезныхъ для нихъ законовъ, и много приходится имъ бороться противъ нарушенія ихъ правъ, уже признанныхъ закономъ. Но все больше и больше объединяются заграничные рабочіе, все больше и больше растетъ ихъ самосознаніе, число истинныхъ представителей въ парламентахъ интересовъ рабочихъ (соціаль-демократовъ) все увеличивается, борьба облегчается.

Лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ тамъ были почти вездѣ такіе же порядки, какъ и у насъ; рабочіе не были объединены и мало понимали свое положеніе: нерѣдко въ парламенты выборными отъ себя они посылали своихъ хозяевъ. Но мало по малу все это измѣнилось; рабочіе научились понимать противоположность своихъ и хозяйскихъ интересовъ, научились бороться за лучшія условія жизни и работы и постепенно завоевывали себѣ все новыя и новыя права.

Вѣдь стоитъ только подумать, какую силу имѣютъ рабочіе! Вѣдь откажись они работать на фабрикахъ, заводахъ, копяхъ и желѣзныхъ дорогахъ, что сдѣлается

съ промышленностью и торговлей, барышами фабрикантовъ и доходами правительства? Когда лѣтомъ 1894 года забастовали одни только желѣзнодорожные рабочіе на желѣзныхъ дорогахъ, ведущихъ къ городу Чикаго (въ Америкѣ), громадному городу сталъ угрожать голодъ.

Да, сила рабочихъ громадна, пусть только они поймутъ свое положеніе, пусть они потребуютъ, чтобы имъ позволили свободно устраивать стачки, соединяться въ союзы, собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, и тогда богачи и правительство станутъ уступчивы; если же рабочіе, какъ нищіе, станутъ ждать хозяйской милостыни, перенося безропотно всякія притѣсненія, то дойдутъ еще до большей нужды и униженія. Плата не перестанетъ падать, заработокъ будетъ постоянно понижаться; за стачки рабочихъ по прежнему будутъ сажать въ тюрьмы; по прежнему запрещено будетъ составлять союзы, собираться, печатать книги и газеты, гдѣ выясняется рабочимъ ихъ положеніе.

* * *

Нѣкоторые говорятъ, что у насъ стачки невозможны, что законъ строго наказываетъ за нихъ, и есть такіе рабочіе, которые вѣрятъ въ эту невозможность стачекъ и боятся устраивать ихъ.

Дѣйствительно, русскіе законы запрещаютъ стачки. Статья 1358 «Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ» говоритъ: «За сговоръ рабочихъ какой либо фабрики или промышленнаго заведенія съ цѣлью прекратить работу ранѣе срока заключеннаго съ хозяевами заведенія, чтобы принудить этихъ послѣднихъ повысить заработную плату, виновные подвергаются аресту—зачинщики на время отъ трехъ недѣль до трехъ

мѣсяцевъ, остальные же отъ семи дней до трехъ недѣль».

Статья же 1358[1] говоритъ: «За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабриканта или заводчика къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ».

Но не лучше ли рабочему просидѣть нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и улучшить свое положеніе, чѣмъ всю жизнь свою оставаться на каторжномъ положеніи, въ неволѣ у фабрикантовъ?

Къ тому же надо сказать, что статья эта написана больше для страху. Возможно ли ея выполненіе, когда въ стачку вступаютъ сотни или тысячи рабочихъ? Возможно ли посадить ихъ въ тюрьму? А кто же сталъ бы работать на фабрикахъ? Не разорились ли бы отъ этого фабриканты, да и казнѣ не слишкомъ ли дорого стоило бы кормить всю эту массу рабочихъ?

Въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли, чтобы рабочихъ, скажемъ всего Иваново-Вознесенска, или Шуи, или села Никольскаго, или хотя бы даже какой нибудь одной крупной фабрики препроводили цѣпочкомъ, во всемъ полномъ составѣ въ тюремный замокъ? Да первый взялъ бы отъ такой распорядительности самъ фабрикантъ и Христомъ Богомъ молилъ бы не разорять его окончательно.

И всѣ понимаютъ, что когда зашевелятся рабочіе, то всѣ эти законы останутся на бумагѣ,—ихъ нельзя будетъ выполнить.

Да часто и теперь уже ихъ цѣликомъ выполнять нельзя; и вотъ послѣ стачки, вмѣсто того, чтобы всѣхъ рабочихъ засадить въ тюрьму, начальство начинаетъ искать «зачинщиковъ», выхватываетъ изъ толпы нѣсколько человѣкъ и караетъ только ихъ. Такимъ образомъ эти нѣсколько человѣкъ страдаютъ за всѣхъ, они страдаютъ за благо рабочихъ, за общественное дѣло.

За границей такихъ рабочихъ всѣ уважаютъ, да и у насъ всякому понятно, что они заслуживать могутъ только сочувствія и уваженія.

Самый любимый способъ прекращать стачку, это — объявить рабочихъ «бунтовщиками» и затѣмъ «усмирять безпорядки». Но что станетъ усмирять полиція, если рабочіе, предъявивъ свои требованія черезъ депутатовъ, сами останутся сидѣть по домамъ? А такая стачка станетъ вполнѣ возможной, если на фабрикѣ рабочіе заранѣе столкуются на счетъ такой стачки, и если среди рабочихъ фабрики будетъ хотя нѣкоторое число лицъ, хорошо организованныхъ, понимающихъ интересы рабочихъ и достаточно дѣятельныхъ и энергичныхъ, чтобы организовать протестъ рабочихъ какъ слѣдуетъ и не дать рабочимъ уклониться въ сторону, опасную для успѣха.

И мы видимъ, что русскій рабочій настолько зрѣлъ уже для движенія, что самъ начинаетъ понимать свою силу, и у него хватаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самообладанія избѣжать столкновенія съ полиціей и войскомъ. Мы укажемъ здѣсь на стачку въ Шуѣ въ 1892 году, когда рабочіе-ткачи воспользовавшись пріѣздомъ въ Шую Владимірскаго губернатора и прекратили на всѣхъ четырехъ или пяти шуйскихъ фабрикахъ работу и черезъ своихъ депутатовъ просили губернатора прекратить невозможное грабительство фабрикантовъ, которые мало того, что при поши-

женныхъ расцѣнкахъ заставляли рабочихъ работать по 13 часовъ въ сутки, но еще лишали рабочихъ воскреснаго отдыха, заставляя по воскресеньямъ чистить машины. Стачка эта не повлекла за собой ни арестовъ, ни тюрьмы, и губернаторъ просилъ рабочихъ начать работы опять, обѣщая имъ, что ихъ требованія будутъ выполнены.

Прибавимъ къ этому, что при единодушіи рабочихъ даже вмѣшательство полиціи не помѣшаетъ имъ выиграть стачку, потому что ничего не подѣлаетъ полиція съ тысячами рабочихъ. Вѣдь тогда придется, пожалуй, призывать войска, а мы не знаемъ, насколько удобно правительству устраивать уличныя битвы. И не постарается ли оно само избѣжать такихъ столкновеній съ рабочими?

Итакъ, мы видимъ, что при единодушіи рабочихъ никакія препятствія и запрещенія не помѣшаютъ имъ улучшить свое положеніе. Никакіе законы не могутъ заставить ихъ сносить безропотно свое угнетеніе.

И дѣйствительно, мы видимъ, что не проходитъ года, чтобы гдѣ либо у насъ рабочіе не устроили стачки или такъ называемыхъ «безпорядковъ». Бѣда только въ томъ, что русскіе рабочіе почти совершенно не умѣютъ пользоваться этими «безпорядками» и почти безъ всякой пользы для себя растрачиваютъ свои силы. Имъ необходимо понять свое положеніе, сознать свои силы, узнать свои права, объединиться и организоваться, насколько это возможно, при настоящихъ условіяхъ, и выступить съ разумными требованіями, вмѣсто безплодныхъ вспышекъ своего негодованія. И если запрещеніе не мѣшаетъ рабочимъ почти безъ всякой пользы для себя разносить фабрики и избивать управляющихъ, то тѣмъ меньше это запрещеніе можетъ помѣшать имъ вести дѣйствительную борьбу.

ГЛАВА IV.

Фабричное законодательство.

Мы говорили уже, что сила рабочихъ громадна, что сила эта заключается въ ихъ классовомъ самосознаніи, т. е. въ пониманіи того, что единственно своими силами и борьбой они могутъ добиться лучшаго будущаго, и въ ихъ солидарности, т. е. въ крѣпкой поддержкѣ другъ друга, что буржуазія (фабриканты, заводчики и т. п.) и защитникъ буржуазіи—правительство—чувствуютъ это и боятся пробужденія рабочаго. Боясь быть окончательно уничтоженными, они принуждены дѣлать постепенныя уступки требованіямъ рабочихъ. Доказательствомъ такихъ уступокъ являются такъ называемые фабричные законы. На Западѣ они являлись результатомъ требованій рабочихъ и ихъ давленія на правительства. Прежде тамъ жадность фабрикантовъ, поощряемая невѣжествомъ и нищетой рабочихъ, такъ же, какъ у насъ теперь, не знала границъ. Фабриканты соперничали между собой въ удлиненіи рабочаго дня и изощрялись въ различныхъ мошеннническихъ продѣлкахъ. Съ этою цѣлью они заставляли рабочихъ нѣсколькими минутами начинать работу раньше кончать позже назначеннаго времени, переводили часы, урѣзывали время у обѣда и завтрака и даже заставляли обѣдать во время работы.

Но грабить и изнурять взрослыхъ рабочихъ имъ казалось еще мало. Благодаря «легкости» машинной работы, они получили возможность замѣнить сравнительно дорогой мужской трудъ дешевымъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Эти благодѣтели съ жадностью волковъ бросились собирать дѣтей окружающей бѣдноты, которыхъ можно

было совершенно безнаказанно заставлять работать, хотя бы это были семилѣтнія дѣти, по 13—14 часовъ въ сутки; о нихъ нечего было заботиться: въ случаѣ ихъ болѣзни ихъ всегда можно было когда угодно прогнать съ фабрики, не опасаясь никакого протеста. И вотъ, всѣ фабрики и заводы, вездѣ, гдѣ только это было возможно, начали переполняться женщинами и дѣтьми.

Фабрики превратились въ какой-то адъ, гдѣ слабыя женщины и невинныя дѣти мучаются за невѣдомые грѣхи.

«Во многихъ фабричныхъ округахъ—говоритъ одинъ англійскій фабричный инспекторъ—съ дѣтьми продѣлываютъ самыя ужасныя вещи. Чрезмѣрной работой, слишкомъ тяжелой для ихъ дѣтскихъ силъ, этихъ невинныхъ малютокъ заранѣе обрекаютъ на преждевременную смерть; ихъ бьютъ, привязываютъ и мучаютъ самымъ утонченнымъ способомъ. Весьма часто ихъ, голодныхъ, плетью гонятъ и понуждаютъ къ работѣ. Положеніе ихъ до того ужасно, что эти несчастныя дѣти семи лѣтъ и моложе часто прибѣгаютъ къ самоубійству. Мирные города и веселыя долины Англіи превратились въ мѣста пытки и убійства! Но зато фабриканты получаютъ небывалые барыши. Они уже не довольствуются дневной работой, а введутъ и ночную. Обезсиленную дневнымъ трудомъ партію рабочихъ они замѣняютъ другой партіей для такой же ночной каторги. Дневная смѣна ложится въ кровати, съ которыхъ только что поднялась смѣна ночная, и обратно. Вошло въ обыкновеніе, что кровати рабочихъ никогда не остываютъ». — «Фабриканты заставляютъ работать слабыхъ дѣтей по 13-14 часовъ въ сутки. И послѣдствія всего этого сейчасъ же стали сказываться: въ школахъ можно было сразу отличить дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, по ихъ болѣзненному виду и истощенію».

Другой фабричной инспекторъ пишетъ, что въ его округѣ (въ 1833 году) двѣ трети всѣхъ рабочихъ составляютъ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ. Въ тѣсномъ помѣщеніи и въ нездоровомъ воздухѣ эти несчастныя существа должны были проводить по 17 часовъ въ сутки. Даже въ каменноугольной промышленности въ Англіи употреблялись дѣти. Мальчиковъ и дѣвочекъ 4-5 лѣтъ заставляли тамъ работать отъ самаго ранняго утра до поздняго вечера. Весьма часто этимъ дѣтямъ приходилось оставаться въ копяхъ однимъ въ темнотѣ. «Многіе утверждаютъ,— говоритъ нѣмецкій ученый Шиппель,—что зимою проходили цѣлыя недѣли раньше, чѣмъ эти несчастныя дѣти могли опять выйти на солнечный свѣтъ». Этотъ же ученый говоритъ: «на ряду съ дѣтьми, слабыя женщины, почти голыя должны были работать по 14-16 часовъ въ день, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, подвергаясь самому грубому обращенію». При видѣ ихъ страданій одинъ правительственный чиновникъ писалъ, что никогда еще ему не приходилось видѣть людей въ такомъ ужасномъ положеніи.

Чиновникъ Бротонъ говоритъ: «въ два, три или четыре часа утра дѣтей 9-10 лѣтъ стаскиваютъ съ ихъ грязныхъ постелей и заставляютъ за нищенскую плату работать 10, 11 и 12 часовъ ночью. Отъ такой работы черты лица ихъ тупѣютъ, ихъ человѣческія чувства тамнѣваютъ, а весь видъ этихъ несчастныхъ дѣлается ужаснымъ».

Но такое безчеловѣчное высасываніе силъ женщинъ и дѣтей мало того, что совершенно убиваетъ этихъ послѣднихъ. Оно страшнымъ образомъ отражается и на положеніи взрослыхъ. «Съ каждымъ днемъ, — говоритъ одинъ англійскій инспекторъ,—я все болѣе убѣждаюсь, что

работа женщинъ и дѣтей является несчастіемъ для всей мѣстности».

Такъ какъ женщинѣ можно было платить всего лишь половину, а дѣтямъ четвертую и даже пятую часть того, что получалъ мужчина, то масса мужчинъ, имѣвшихъ прежде работу, теперь принуждена была просить милостыню и умирать съ голоду. Напрасно ходятъ они отъ одного хозяина къ другому. Они теперь уже не нужны. Спасаясь отъ голода, они готовы работать за какое угодно вознагражденіе. Этимъ пользуются фабриканты, чтобы повсемѣстно понижать рабочую плату всѣмъ взрослымъ рабочимъ. И рабочіе ничего не могутъ подѣлать противъ такого пониженія. Цѣлыя мѣстности разоряются, народъ бѣдствуетъ и голодаетъ, толпы бродягъ рыщутъ по всѣмъ дорогамъ и городамъ. Благоденствуютъ одни лишь фабриканты.

Все это довело ожесточеніе рабочихъ до громадныхъ размѣровъ и повсемѣстно заставило ихъ вступить въ борьбу съ хозяевами.

Но они видѣли, что такая борьба съ отдѣльными хозяевами мало имъ поможетъ, пока будетъ такая масса безработныхъ, что надо заставить правительство запретить фабрикантамъ употреблять въ работу женщинъ и дѣтей. Впродолженіи цѣлыхъ десяти лѣтъ требовали англійскіе рабочіе отъ своего правительства такихъ законовъ; они подавали требованія, покрытыя тысячами подписей, устраивали демонстраціи (шествія), многочисленныя собранія на площадяхъ; наконецъ, озлобленіе рабочихъ стало угрожать повсемѣстнымъ возстаніемъ и правительство должно было уступить и издать такъ называемые фабричные законы.

Такъ было въ Англіи, гдѣ движеніе это носитъ названіе движенія чартистовъ (1833-1847) и гдѣ былъ

изданъ первый фабричный законъ. Законъ этотъ запрещалъ женщинамъ и подросткамъ работать болѣе десяти часовъ въ сутки. Не смотря на такую ничтожную защиту, онъ не только улучшилъ положеніе женщинъ и дѣтей, но оказалъ также вліяніе и на положеніе взрослаго рабочаго.

На большинствѣ фабрикъ женщины и дѣти работали вмѣстѣ съ мужчинами, и рабочіе не могли бастовать отдѣльно, поэтому, когда былъ сокращенъ рабочій день для женщинъ и подростковъ, то этимъ самымъ фабриканты принуждены были сократить его и для взрослыхъ рабочихъ тоже до десяти часовъ. Такимъ образомъ, благодаря этому фабричному закону, положеніе рабочихъ значительно улучшилось. Вмѣсто 14-16 час. они работали только 10 часовъ, а вмѣстѣ съ сокращеніемъ рабочаго дня и запрещеніемъ принимать на фабрики малолѣтнихъ дѣтей, уменьшилось число безработныхъ и, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, увеличилась и заработная плата.

Вездѣ за англійскими фабричными законами послѣдовали фабричные законы Германіи, Франціи, Америки и т. д. Вездѣ рабочіе своимъ движеніемъ и энергичными требованіями заставили свои правительства обратить вниманіе на ихъ положеніе и издать необходимые законы.

Наше русское правительство, видя, какъ растетъ недовольство среди русскихъ рабочихъ и напуганное нѣсколькими разгромами фабрикъ и заводовъ (бывшихъ въ 1878-1881 годахъ), поспѣшило издать въ 1882 году фабричные законы. Но русскій рабочій темнѣе своихъ западныхъ братьевъ. Сознательно онъ еще не требовалъ никакихъ законовъ. Онъ пока лишь разбивалъ фабрики и избивалъ своихъ управляющихъ. Поэтому и наши фабричные законы гораздо хуже, чѣмъ законы другихъ странъ.

Никакой защиты взрослому рабочему они не дают, а дают только нѣкоторую защиту женщинамъ и дѣтямъ. Но знать ихъ все таки слѣдуетъ каждому рабочему, такъ какъ часто фабриканты пользуются незнаніемъ рабочихъ и не исполняетъ даже этихъ законовъ.

По нашему фабричному закону:

1) наемъ рабочихъ производится: а) на опредѣленный срокъ; б) на срокъ неопредѣленный и в) на время исполненія какой либо работы, съ окончаніемъ которой прекращается самый наемъ.

2) При наймѣ на срокъ неопредѣленный, каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ отказаться отъ договора, предупредивъ другую сторону о своемъ намѣреніи за двѣ недѣли.

3) Прежде окончанія заключеннаго съ рабочими срочнаго договора, или безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочихъ, нанятыхъ на срокъ неопредѣленный, воспрещается понижать заработную ихъ плату установленіемъ новыхъ основаній для ея исчисленія, сокращеніемъ числа рабочихъ дней въ недѣлю, или числа рабочихъ часовъ въ сутки, измѣненіемъ правилъ урочной работы и т. п. Равнымъ образомъ и рабочіе не вправѣ, до окончанія договора, требовать какихъ либо измѣненій въ условіяхъ онаго.

4) Выдача заработной платы рабочимъ должна производиться не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ—при наймѣ на срокъ неопредѣленный.

5) Расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товарами и иными предметами воспрещается.

6) Воспрещается взиманіе съ рабочихъ платы: а) за врачебную помощь, б) за освѣщеніе мастерскихъ и в) за

пользованіе при работахъ для фабрики орудіями производства.

7) Дѣти, не достигшія 12-ти лѣтъ отъ роду, къ работамъ не допускаются.

8) Малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ не могутъ быть занимаемы работой болѣе 8-ми часовъ въ сутки, не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ. При этомъ работа не должна продолжаться болѣе 4 часовъ сряду.

9) Малолѣтніе, имѣющіе менѣе 15-ти лѣтъ отъ роду, не могутъ быть занимаемы работой между 9 часовъ вечера и 5 час. утра, а также въ воскресенье и высокоторжественные дни.

10) Воспрещается употреблять малолѣтнихъ на работы вредныя для здоровья или слишкомъ тяжелыя.

11) Женщины и подростки до 17 лѣтъ не могутъ быть назначаемы на ночныя работы въ фабрикахъ бумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ.

Неудовлетворительность нашихъ законовъ еще болѣе увеличивается тѣмъ, что при желаніи они легко могутъ не исполняться и часто совсѣмъ не исполняются.

Такіе фабричные законы, какъ наши, и даже заграничные, вовсе не избавляютъ рабочаго ни отъ нужды, ни отъ истощенія. Эти законы, какъ мы сказали уже, только нѣкоторую защиту даютъ женщинамъ-работницамъ и дѣтямъ и, если полезны и для всѣхъ рабочихъ, то своимъ косвеннымъ вліяніемъ. Они вовсе не касаются такихъ важныхъ сторонъ рабочей жизни, какъ продолжительность рабочаго дня, величина заработной платы, поштучная плата, ночная работа и т. д. Между тѣмъ, дѣйствительное улучшеніе положенія рабочаго возможно только тогда, когда будетъ положенъ предѣлъ произволу капиталистовъ во всѣхъ этихъ сторонахъ рабочей жизни.

Нужно добиваться такихъ фабричныхъ законовъ, которые ограничивали бы рабочій день восемью часами въ сутки; совершенно запретили бы ночную работу вездѣ, гдѣ это возможно; установили бы наименьшій размѣръ заработной платы, ниже котораго ни одинъ хозяинъ не имѣлъ бы права платить своимъ рабочимъ; запретили бы помѣсячную плату; обезпечивали бы каждаго рабочаго на случай болѣзни, несчастій на фабрикахъ, безработицы, старости и неспособности къ труду. Только тогда можно будетъ сказать, что рабочій избавленъ отъ возможности умереть съ голоду и отъ пеимѣнія работы.

И въ настоящее время рабочіе всѣхъ промышленныхъ странъ, какъ то: Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи, Сѣв. Америки, Австраліи, Италіи и др. поняли необходимость такихъ законовъ. На международныхъ съѣздахъ (конгрессахъ) представителей отъ рабочихъ всѣхъ странъ и народовъ была выработана подробная программа, чего и какъ добиваться рабочимъ отъ современныхъ правительствъ.*)

На парижскомъ съѣздѣ въ 1889 г. рабочіе обсуждали уже вопросъ, какъ добиться восьмичасоваго рабочаго дня. Нѣкоторые предлагали добиться введенія во всѣхъ странахъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ восьмичасоваго рабочаго дня всеобщей стачкой.

Мы знаемъ уже, какое важное значеніе въ жизни все-

---

*) Такихъ съѣздовъ было уже три: первый былъ во Франціи (Парижѣ) въ 1889 году, второй въ Бельгіи (Брюсселѣ) въ 1891 году, третій въ Швейцаріи (Цюрихѣ) въ 1893 году. По рѣшенію Цюрихскаго Конгресса международный съѣздъ будетъ собираться черезъ каждые три года, такъ что четвертый съѣздъ назначенъ въ столицѣ Англіи, Лондонѣ, въ 1896 году,

го общества имѣетъ трудъ рабочихъ. Мы видѣли, въ какомъ ужасномъ положеніи очутился громадный городъ Чикаго, когда вступили въ стачку рабочіе однѣхъ только желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ городу. Ему сталъ угрожать голодъ, и вся его промышленная дѣятельность начала останавливаться. Вообразимъ же себѣ, что было бы, если бы всѣ рабочіе всѣхъ странъ отказались работать. Несомнѣно, это такое сильное средство, которымъ рабочіе могутъ заставить сдѣлать все, что они потребуютъ. Но для того, чтобы такая стачка удалась, чтобы ее дѣйствительно можно было бы дотянуть до конца, необходима могучая организація рабочихъ всѣхъ странъ. Какъ ни велики успѣхи рабочаго движенія въ передовыхъ странахъ; какъ ни сильны ихъ организаціи и какъ ни велико ихъ самоотверженіе, но въ настоящее время рабочіе еще не готовы къ такой стачкѣ. И поэтому парижскій конгрессъ не рѣшился на такое средство. Но, желая, съ одной стороны, провѣрить, насколько дѣйствительно широко распространено рабочее движеніе и насколько хорошо рабочіе организованы, а съ другой, желая способствовать возможно широкому распространенію идеи о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, онъ рѣшилъ: ежегодно 1-го мая всѣ рабочіе всѣхъ странъ и народовъ, добивающіеся восьмичасоваго рабочаго дня, должны бросать въ этотъ день работу и этотъ день праздновать.

Успѣхъ перваго такого майскаго праздника поразилъ всѣхъ враговъ рабочихъ; онъ былъ неожиданъ даже для самихъ рабочихъ. Съ тѣхъ поръ каждый годъ рабочіе всѣхъ странъ бросаютъ въ этотъ день работу, устраиваютъ манифестаціи (уличныя шествія), собранія и напоминаютъ всему міру, что скоро наступитъ время, когда они будутъ въ силахъ завоевать себѣ не только восьмичасовой рабочій день, но и полную свободу, и установятъ спра-

ведливые порядки, гдѣ всѣ будутъ равные братья и гдѣ не будетъ уже ни грабежа, ни насилія.

ГЛАВА V.

Что предпримутъ рабочіе, когда будутъ достаточно сильны. — Какъ долженъ поступать сознательный и честный рабочій.

Мы видѣли, что какъ ни сильны въ настоящее время рабочіе и какъ ни стремятся рабочіе всѣхъ странъ къ соединенію, но они еще не настолько сильны и не такъ хорошо организованы, чтобы устроить всемірную стачку и потребовать отъ правительствъ и капиталистовъ рѣшительныхъ мѣръ для улучшенія своего положенія.

Но съ каждымъ годомъ силы рабочихъ растутъ, ихъ организація крѣпнетъ и все шире захватываетъ рабочихъ всѣхъ странъ. Скоро настанетъ такое время, когда не будетъ на земномъ шарѣ уголка, куда не проникли бы идеи рабочаго класса. Рабочіе станутъ могущественной, непобѣдимой силой, противъ которой не устоятъ ни правительства, ни капиталисты. Что же предпримутъ тогда рабочіе?

Тогда рабочіе потребуютъ, чтобы управленіе перешло въ руки самихъ рабочихъ. Сами рабочіе станутъ избирать необходимыхъ управителей и сами укажутъ имъ, какъ управлять. Забравъ же власть въ свои руки, они уничтожатъ всякую возможность грабежа и насилія. Всѣ фабрики, заводы, копи, желѣзныя дороги, капиталы, землю, лѣса, рѣки и озера они

объявятъ общей собственностію всѣхъ, и тогда уже никому нельзя будетъ жить чужимъ трудомъ, заѣдать чью нибудь жизнь. Всѣ будутъ совершенно равны, исчезнетъ причина зависти и преступленій, и всѣ станутъ дѣйствительными братьями. Всѣ сильные и здоровые должны будутъ работать, и трудъ перестанетъ быть проклятіемъ и тягостью, а сдѣлается любимымъ удовольствіемъ людей, такъ какъ онъ не будетъ ни тяжелымъ, ни изнурительнымъ, ни продолжительнымъ. При помощи машинъ будетъ достаточно самой непродолжительной работы, чтобы произвести такую массу богатствъ, которыхъ хватитъ для довольной жизни всѣхъ безъ исключенія,—и не только работающихъ здоровыхъ, но и больныхъ, слабосильныхъ калѣкъ, стариковъ и дѣтей. Всѣ безъ исключенія будутъ счастливы и довольны, и между людьми впервые водворится дѣйствительная любовь и согласіе.

Въ наше время рабочіе все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что только этимъ путемъ, путемъ перехода власти въ руки самого народа, а земли, фабрикъ, заводовъ и вообще всѣхъ капиталовъ въ общую собственность всѣхъ, возможно уничтожить несправедливость на землѣ и окончательно избавить всѣхъ рабочихъ отъ грабежа и угнетенія.

Люди, которые такъ думаютъ, называются соціалистами.

Основателемъ этого ученія и рабочаго соціалистическаго движенія считается геніальный ученый и великій борецъ за рабочее дѣло еврей Карлъ Марксъ. Въ 1847 году Марксъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Энгельсомъ выпустилъ свой извѣстный «Манифестъ», гдѣ они впервые указали рабочему классу истинные пути борьбы и впервые клинули зна-

менитый, съ тѣхъ поръ весь міръ обошедшій кличъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Со времени изданія «Манифеста» (1847 г.) не прошло еще и 50 лѣтъ, но если бы Марксъ жилъ еще въ настоящее время (онъ умеръ въ 1883 году, на 12 лѣтъ ранѣе своего знаменитаго друга Энгельса, умершаго въ августѣ нынѣшняго 1895 года), онъ могъ бы самъ убѣдиться, на какую плодотворную почву упали его сѣмена. Рабочій классъ никогда не забудетъ его имени и всегда будетъ помнить, что Марксъ былъ первый человѣкъ, который доказалъ, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Онъ требовалъ, чтобы рабочіе, кромѣ экономической борьбы со своими хозяевами за улучшеніе своего положенія (за укороченіе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и пр.), вели еще борьбу политическую, т. е. добивались бы разныхъ политическихъ правъ, такъ напр., права участвовать въ управленіи страною, въ законодательствѣ и т. д., потому что только такимъ образомъ рабочіе могутъ дѣйствительно подготовиться къ захвату власти въ свои руки и только такимъ образомъ рабочіе могутъ измѣнять законы въ свою пользу даже въ настоящее время. И только благодаря ему рабочіе крѣпко стали на ноги и перестали безплодно расходовать свои силы и проливать свою кровь за интересы другихъ классовъ.

Въ настоящее время рабочіе всѣхъ странъ ведутъ кромѣ экономической борьбы, о которой мы говорили въ прежнихъ главахъ, еще и борьбу политическую. Самому неподготовленному рабочему, какъ только онъ пойметъ свое ужасное положеніе и почувствуетъ необходимость улучшить его, становится ясно, что онъ не можетъ сдѣлать этого, не добиваясь для себя извѣстныхъ правъ. Такъ напр., если онъ хочетъ увеличить свою заработную

плату, или сократить рабочій день, или добиться болѣе удобной расплаты, или оградить себя отъ грубости и насилія хозяева и мастеровъ, то для всего этого, какъ выяснено прежде, ему необходимо дружно и совмѣстно со своими товарищами бороться, требовать. Но если законы запрещаютъ ему устраивать стачки, собираться вмѣстѣ для обсужденія своихъ интересовъ, подавать совмѣстныя жалобы и прошенія, то понятно, что все это сильно мѣшаетъ рабочимъ, и потому они не могутъ не чувствовать неудобства этихъ запрещеній для нихъ. Имъ поэтому приходится добиваться уничтоженія вредныхъ для нихъ и изданія полезныхъ законовъ. Рабочаго не можетъ не интересовать политическій строй общества.

На основаніи этого нѣкоторые говорятъ: сначала рабочимъ необходимо добиться политическихъ правъ: права стачекъ, союзовъ, собраній, права подавать общія прошенія и жалобы, и тогда только имъ можно будетъ позаботиться объ улучшеніи ихъ экономическаго положенія. Въ сущности это вѣрно. Только эти права дадутъ возможность рабочимъ широко вести открытую экономическую борьбу. Но вотъ вопросъ, какъ добиться этихъ правъ?

Возможно-ли, чтобы, не ведя экономической борьбы, русскій рабочій (мы разумѣемъ здѣсь массы рабочихъ, которыя однѣ только и могутъ имѣть значеніе въ жизни страны) почувствовалъ необходимость права вести эту борьбу, и возможно-ли, чтобы правительство и капиталисты разрѣшили дѣлать то, что не вошло въ привычку рабочихъ, въ практику обыкновенной жизни? Мы знаемъ изъ жизни нашихъ братьевъ-рабочихъ другихъ странъ, съ какимъ трудомъ и съ какими жертвами приходилось имъ добиваться этихъ правъ. Часто даже они принуждены были отстаивать и добиваться права бороться за луч

шія условія жизни съ оружіемъ въ рукахъ. Наши капиталисты не менѣе жадны, чѣмъ западные, и наше правительство не лучше правительства другихъ странъ, и, несомнѣнно, русскому рабочему такъ же нелегко дадутся эти права, какъ и его товарищамъ на Западѣ. Ему придется ихъ завоевать. Но для того, чтобы у рабочихъ хватило рѣшимости и энергіи отстаивать и добиваться ихъ даже крайними средствами, необходимо, чтобы рабочіе хорошо понимали значеніе этихъ правъ, чтобы они дѣйствительно почувствовали, какъ трудно жить безъ нихъ. А это возможно будетъ только тогда, когда они начнутъ вести самую борьбу съ хозяевами. Когда они смирно сидятъ, не устраиваютъ стачекъ, не жалуются, не требуютъ, тогда они вовсе не чувствуютъ того, что имъ запрещено дѣлать все это. Ихъ морятъ капиталисты, а они умираютъ молча, не зная, какъ помочь себѣ. Но когда они начнутъ вести самую борьбу, тогда они очень скоро почувствуютъ неудобство этихъ запрещеній и необходимость политическихъ правъ.

Къ тому же, мы видѣли, что уже въ наше время, даже при нашихъ порядкахъ, возможно нѣкоторое улучшеніе положенія рабочихъ. И намъ не зачѣмъ откладывать возможность полученія этихъ улучшеній на неопредѣленный срокъ. Мы должны сейчасъ же взять все, что возможно. Тѣмъ болѣе, что всякое сокращеніе рабочаго дня, какъ бы мало оно ни было само по себѣ, всякое увеличеніе заработной платы и т. д. очень важно и для самихъ рабочихъ, и для успѣховъ рабочаго дѣла.

Но, если русскимъ рабочимъ надо сейчасъ же вести борьбу за улучшеніе своей участи, то они никогда не должны забывать, что главная цѣль всѣхъ сознательныхъ рабочихъ (сплотившихся уже въ соціалистическія пар-

тѣи во всѣхъ странахъ) — не мелкія улучшенія ихъ положенія, а коренное измѣненіе всего общественнаго порядка и что этого они могутъ достичь единственно лишь посредствомъ политической борьбы съ цѣлью захвата политической власти въ свои руки и переустройства, при помощи этой власти, всего общества согласно интересамъ рабочаго класса, т. е. превращеніе земли, фабрикъ, заводовъ и пр. въ общую собственность всѣхъ трудящихся.

И мы вѣримъ, что скоро русскій рабочій откликнется на голосъ русскихъ соціалистовъ, что скоро сброситъ онъ повязку со своихъ глазъ, пойметъ свои интересы и пойдетъ рука объ руку съ рабочими всѣхъ странъ, добиваясь для себя лучшей участи, а для будущаго человѣчества всего того счастія, какое только возможно.

* * *

Товарищи-рабочіе! Наше положеніе тяжело и плохо: хозяева насъ грабятъ и обманываютъ, правительство преслѣдуетъ насъ за всякую попытку учиться, бороться за свое положеніе. Нигдѣ въ мірѣ рабочій не живетъ въ такомъ угнетеніи и униженіи, какъ у насъ въ Россіи. Но мы можемъ измѣнить все это. Наступаетъ пора, когда приходится намъ самимъ подумать о своей участи. Лучи свѣта, освѣтившаго нашихъ братьевъ-рабочихъ въ другихъ странахъ, начинаютъ пробиваться и къ намъ и освѣщать «темное царство» русскаго безправія. Уже слышны голоса, призывающіе русскихъ рабочихъ сбросить съ себя вѣковое ярмо рабства. Пусть не пугаютъ насъ наше безправіе и политическія преслѣдованія. Всѣ хитрости капиталистовъ, всѣ преслѣдованія полиціи разобьются о наше сознаніе, о нашу стойкость. Пусть

только каждый честный и сознательный рабочій, вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, гдѣ бы ни работалъ, пробуждаетъ сознаніе своихъ товарищей.

Пусть, во-первыхъ, онъ разъяснитъ имъ, въ чемъ сущность рабочаго вопроса. Затѣмъ пусть убѣждаетъ ихъ въ необходимости солидарности (товарищеской поддержки другъ друга) и чтенія книгъ, разъясняющихъ истину. Для этого онъ долженъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы объяснить своимъ товарищамъ нынѣшніе порядки. Пусть онъ постоянно разъясняетъ, что ихъ эксплуатируютъ (обираютъ) фабриканты, что вся нужда отсюда беретъ свое начало. Пусть онъ разъяснитъ рабочимъ, какое громадное значеніе имѣютъ единство и взаимная помощь между ними.

Сознательные рабочіе каждой мастерской, каждой фабрики или завода должны устроить у себя на фабрикѣ союзъ. Но въ союзъ надо приглашать честныхъ и стойкихъ рабочихъ изъ тѣхъ, которыхъ хорошо знаютъ, чтобъ какъ нибудь не попался сыщикъ, который можетъ обо всемъ донести фабриканту и полиціи. Такой союзъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, много можетъ сдѣлать хорошаго и полезнаго на фабрикѣ.

Прежде всего онъ долженъ основать библіотеку, чтобы рабочіе фабрики могли читать и учиться. Потомъ онъ долженъ основать кассу, изъ которой деньги, вносимыя самими рабочими, будутъ итти на помощь этимъ рабочимъ въ случаѣ нужды, на покупку полезныхъ и интересныхъ книгъ и другія рабочія нужды. Ведя такое дѣло, рабочіе такого фабричнаго союза могутъ сдѣлать такъ, что на фабрикѣ не будетъ больше рабочихъ, не знающихъ и не понимающихъ «рабочаго дѣла».

И для такой дѣятельности нужны только энергія, настойчивость и преданность своему рабочему дѣлу. Никакія

запрещенія, никакія преслѣдованія не могутъ помѣшать такому союзу вести самую широкую устную проповѣдь на фабрикѣ *). Потому что никто не можетъ запретить рабочему имѣть у себя на дому дозволенныя книги, никто не можетъ запретить рабочимъ ходить и посѣщать другъ друга. Слѣдовательно, у рабочихъ есть самая широкая возможность пользоваться дозволенными книгами (между которыми тоже попадаются иногда полезныя, только надо умѣть ихъ выбирать) и самая широкая возможность говорить о своемъ рабочемъ дѣлѣ у себя на дому. При помощи такихъ дозволенныхъ книгъ и разговоровъ о рабочемъ дѣлѣ можно уже многое сдѣлать. Остальное дополнится книгами недозволенными, объ имѣніи которыхъ въ достаточномъ количествѣ также долженъ заботиться такой фабричный союзъ.

Если правительство будетъ въ десять разъ больше расходовать на сыщиковъ, то и тогда при энергіи рабочихъ, при преданности ихъ своему дѣлу и нѣкоторой осторожности, оно ничего не подѣлаетъ. Пусть только проснутся рабочія массы. А пробужденіе рабочихъ зависитъ отъ нашей же, товарищи-рабочіе, энергіи.

Опытъ показалъ, что достаточно одного честнаго, осторожнаго, настойчиваго и умѣлаго рабочаго на фабрикѣ, чтобы черезъ нѣкоторое время большинство рабочихъ понимало тамъ свое положеніе, знало о своемъ «рабочемъ дѣлѣ». А при существованіи на фабрикѣ союза и нѣкоторой подготовленности рабочихъ вся фабричная жизнь принимаетъ другой характеръ: мастера, хозяева не мо-

*) Само собою понятно, что при этомъ необходима извѣстная осторожность, такъ какъ въ послѣднее время правительство стало заводить шпіоновъ и на фабрикахъ.

гутъ уже ругаться и безнаказанно обижать рабочихъ; обиды рабочихъ не всегда остаются безнаказанными. Въ случаѣ несправедливостей рабочіе способны уже выдержать разумную стачку и толково вести ее.

Для стачки надо только выбрать подходящее время, именно такое, когда у фабриканта много заказовъ, и позаботиться, чтобы онъ не могъ нанять посторонніхъ рабочихъ.

Фабричный рабочій союзъ долженъ хорошо знать фабричные законы, чтобы разъяснять рабочимъ ихъ права и чтобы не давать возможности мастерамъ и хозяевамъ обижать рабочихъ. Въ случаѣ несоблюденія на фабрикѣ правилъ, полезныхъ для рабочихъ, онъ долженъ постоянно жаловаться фабричному инспектору и настаивать на выполненіи ихъ.

Такой фабричный союзъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы рабочіе на фабрикѣ знали о праздникѣ 1-го мая (19 го апрѣля по русскому календарю) и сочувствовали ему.

Представители такихъ фабричныхъ союзовъ должны войти между собою въ сношенія для помощи и поддержки другъ друга.

Если всѣ сознательные русскіе рабочіе будутъ поступать такъ, то не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ большинство рабочихъ будутъ знать свои интересы, и русскій рабочій, подобно рабочимъ другихъ странъ, объявитъ непримиримую борьбу своимъ эксплуататорамъ (хозяевамъ-капиталистамъ) и правительству и завоюетъ себѣ лучшія условія жизни.

Товарищи рабочіе! отъ нашей энергіи зависитъ успѣхъ „рабочаго дѣла“—зависитъ наше благосостояніе!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РѢЧЬ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВА *).

Мы, милліоны людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволъ судьбы, не получая никакаго воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Девятп лѣтъ — мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что-же тамъ насъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на сдѣльную работу изъ за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками пріучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ гдѣ попало—на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ дѣтствѣ; остается все то, чтот олько можетъ выразить одна грубо-воспитанная, всѣми забытая, анная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда. Вотъ что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать

*) „Предлагаемая рѣчь сказана 10 марта 1877 года Петромъ Алексѣевымъ вмѣсто защиты. Алексѣевъ—простой рабочій изъ крестьянъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской, не получившій образованія ни въ одномъ изъ учебныхъ заведеній, но упорнымъ самостоятельнымъ трудомъ достигшій весьма серьезнаго развитія и начитанности".

подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ! И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить всѣ причиняемыя намъ оскорбленія.

Взрослому работнику заработную плату довели до самого малаго; изъ этого заработка всѣ капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются всевозможными способами отнимать у рабочихъ послѣднюю трудовую копѣйку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе, для рабочихъ, изъ московскихъ фабрикантовъ и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную работу, безпрекословно и съ точностью исполнять всѣ рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и безплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются предъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не берусь описывать подробности всѣхъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знать жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и другихъ...

Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ. Это все равно. Вы этого можете не говорить.

Петръ Алексѣевъ. Да, дѣйствительно все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго со-

стоянія. 17-ти часовой дневной трудъ — и едва можно заработать 40 копѣекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! При настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ человѣка. Пусть пока они умираютъ голодной, медленной смерью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ изъ подъ ярма нашу усталую руку, и свободно можемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ-то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть-ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-ти часовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ вопросомъ нашихъ собратьевъ-западниковъ. Они во многомъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много безсонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ и полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣднякъ? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народнаго чтенія такія книги, какъ «Бова королевичъ», «Ерусланъ Лазаревичъ» и т. п. Оттого-то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно—забавное, а дру-

гое—божественное. Я думаю, каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а въ особенности, если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи—тогда ужь держись! Ему прямо говорятъ: «ты, братъ, не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги». И страннѣе всего то, что и ироніи (шутки) не замѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походитъ на рабочаго тоже, что походитъ на животное. Господа! Неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему на столько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтяями, пьяницами? Что ужь какъ будто и на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ всѣ богатѣютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся, и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другіе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ такъ называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и нехотя рѣшался вопросъ о введеніи сельскихъ школъ для образованія крестьянъ, и не видимъ, какъ съумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣніе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій-же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это, какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно захваченную силою, и только для одного раз-

подобразія ворочающую все съ лица на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутины (закоренѣлой старины) и обезпечитъ матеріально крестьянина, выведетъ насъ изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ полнее разочарованіе. Крестьянская реформа 19 Февраля 61 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы по прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, прикащикъ фабрики Носовыхъ, говоритъ, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и не явившійся въ назначенный срокъ на работу не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихнюю сотни подобныхъ-же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ,—значитъ—они всѣ крѣпостные! Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капиталистомъ заработной платы, а насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибирь,—значитъ, мы крѣпостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, а насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья приневоливаютъ продолжать у него работу, и нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края,—значитъ, мы крѣпостные! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста и первый-же встрѣчный квар-

тальный бьетъ намъ въ зубы кулакомъ и пиками гонитъ вонъ,—значитъ, мы крѣпостные!

Изъ всего мною выше сказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной (образованной) молодежи...

Предсѣдатель вскакиваетъ и кричитъ: «Молчите! Замолчите!»

Петръ Алексѣевъ (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): Она одна братски протянула къ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значатъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого измученнаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руку, ведетъ насъ раскрывая всѣ отрасли для выхода всѣхъ нашихъ собратьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говоритъ, подавъ руку) подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда...

Предсѣдатель возмущается и, вскочивъ, кричитъ: «молчать! молчать!»

Петръ Алексѣевъ (возвышая голосъ)..... И ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!...